

Же —
ЛЮБОВНИКИ
АЛАЙНА САЛАХ

С юмором о важном

Алайна Салах
Экс-любовники

«Алайна Салах»

2022

Салах А.

Экс-любовники / А. Салах — «Алайна Салах», 2022 — (С юмором о важном)

«– А подождать это не могло? – ною я, быстро переставляя каблуки в попытке успеть за Полиной. – За седьмым столом опять кретин на «Порше» возмущается, что ему стейк переперчили, а ещё мне нужно рубашку застирать...»

Содержание

1	5
2	7
3	9
4	12
5	14
6	17
7	19
8	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Алайна Салах

Экс-любовники

1

– А подождать это не могло? – ною я, быстро переставляя каблуки в попытке успеть за Полиной. – За седьмым столом опять кретин на «Порше» возмущается, что ему стейк переперчили, а ещё мне нужно рубашку застирать...

Поля резко останавливается, так что я едва не врезаюсь ей в спину и, пробежавшись взглядом по коричневому пятну, формой напоминающему кляксу на черепе Президента СССР, по-хозяйски берётся за мой бейджик.

– Времени переодеваться нет, – поясняет она, отстёгивая его. – Глеб Андреевич сказал свистать всех наверх как можно быстрее. Слухи, что нас продали, оказались не слухами. Сейчас будем по команде подавать лапу новому владельцу.

Справа под рёбрами неприятно сжимается. Наш «Роден» продали? Ну вот чего я несчастливая такая? Работал ресторан успешно целых восемь лет, но стоило мне устроиться на должность управляющей, как его сразу продают.

– Я не хочу по команде подавать лапу, – говорю я, следя, как Полина перемещает бейджик аккуратно на кофейную кляксу.

– А придётся первое время. Новое руководство всегда поначалу пытается в дела лезть. Ну всё, теперь порядок. Идём.

И мы, как две голодные гончие, вновь прибавляем скорость. Но даже стук каблучков – моих скромных четырёхсантиметровых и Полининых стриптизёрских – не способен заглушить гул невесёлых мыслей. Я не хочу терять эту работу. В «Родене» мне всё нравится: месторасположение, коллектив, обстановка и, конечно, моя руководящая должность... С некоторыми клиентами я успела подружиться, и зарплата меня устраивает. И с Ворониным, генеральным, мы сразу нашли общий язык.

Тяжесть в правом боку усиливается, и мне приходится его потереть. Вот ведь разнервничалась. Ну или новый десерт, разработанный шеф-кондитером, действительно слишком жирный.

За длинным прямоугольным столом уже собрался основной персонал: бухгалтер, шеф-повар и шеф-кондитер, бар-менеджер и администратор сегодняшней смены Виктор. Сам Воронин, как и обычно, сидит во главе своих подданных с одновременно грустным и торжественным видом. С таким же лицом папа выдавал мою старшую сестру замуж. Эх, нас точно продают.

– Присаживайтесь, девочки, – покровительственным тоном распоряжается он, указывая на два свободных кресла.

Мы с Полиной рассаживаемся, незаметно переглядываемся с остальными, мол, чего-нибудь важное не пропустили? Но пропустили или нет, по их каменным лицам так сразу и не поймёшь.

– Итак, – продолжает Глеб Андреевич. – Многие уже знают, для чего я вас сегодня собрал, а кто не знает, тот сейчас узнает.

Воронина я люблю, но вот речи – это всё-таки не его.

– Своим ресторанам я посвятил много лет. В девяносто шестом открыл первое кафе, за ним, в две тысячи первом, появился «Глагол», затем «Людо» и в две тысячи двенадцатом «Роден». Пережито много взлётов и падений, я не молодею, поэтому пора на покой. В прошлом месяце Карим Талгатович предложил купить мои рестораны, и я согласился.

С последней его фразой пальцы машинально вцепляются в подлокотники кресла в отчаянном желании вспороть натянутую на них кожу. Я не ослышалась? Воронин сказал: «Карим Талгатович?»

И прежде чем забурливший кисель в моей голове начинает переливаться через край, в правом углу, рядом со стеллажом, улавливается движение. Я ошарашенно озираюсь по сторонам. В смысле все были в курсе, что в кабинете всё это время был кто-то ещё?

Фигура в тёмном разворачивается, переставая быть настолько тёмной. Белое пятно рубашки на мгновение ослепляет меня, не сразу давая разглядеть лицо. Что, впрочем, и не нужно, потому что до боли знакомый голос уже ввинчивается в барабанные перепонки, заставляя сердце бухтеть как китайский напольный вентилятор.

– Всем добрый день. Меня зовут Исхаков Карим Талгатович. Я новый владелец «Родена».

Новый владелец «Родена» продолжает шевелить ртом, но всё, о чём я могу думать, это: «Твою же ж... Да твою же ж... Ну за что, а?»

2

Карим подходит к столу и занимает последнее пустующее кресло. Я опускаю взгляд себе на ладони. Для чего вообще потребовалось это эффектное представление? Неужели нельзя было сразу сесть, а не провоцировать у отдельных людей инфаркт миокарда.

– ...Глеб Андреевич собрал вас здесь по моей просьбе. Мне бы хотелось лично познакомиться с каждым из вас.

Полюбовавшись на свой выдающийся холм Венеры, я начинаю разглядывать линию жизни. А вот эта кривая неказистая полоска, кстати, наверняка линия любви. Вон какая вмятина посередине. Будто на ней потоптался какой-то ярый козлина.

В лоб словно забуривается толстенное сверло – верный признак того, что Исаков Карим Талгатович меня заметил. Притворяюсь, что происходящее меня не касается, становится невозможным, и тогда я со вздохом поднимаю глаза. Встретив прямой тёмный взгляд, с вызовом задираю подбородок и поджимаю губы. Да, вот такой сюрприз. Мы снова встретились, но ты, надеюсь, не думаешь, что я рада.

Если бы Карим мог раздражать меня ещё больше, то сейчас это бы точно случилось. Как можно быть таким... вылизанным? Модно постриженные волосы блестят, как в рекламе шампуня, кожа загорелая, на рубашке нет ни единой складочки, а под рукавами пиджака проступают мышцы. И даже эта его щетина... Он как будто с ней родился.

И где только были мои глаза? Я не шучу. Мужчина не должен быть таким ухоженным и привлекательным, а иначе что остаётся нам, женщинам?

На пару секунд задержавшись на мне взглядом и никак не выдав того, что мы знакомы, Исаков смотрит на генерального.

– Представите своих сотрудников, Глеб Андреевич?

Я скрещиваю под столом ноги. Лапу давать не просит, просто хочет заглянуть в зубы.

– Про нашего шеф-повара вы наверняка слышали, – с готовностью отвечает Воронин, указывая на Марата. – Учился в Марселе. Работал в «Серрано» и последние четыре года у меня.

Карим кивает, смотрит заинтересованно.

– А родился ты где, Марат?

– Альметьевск, Татарстан.

– Татарин, значит, – отмечает с удовлетворением.

Ну что ж, за карьеру шефа можно только порадоваться. Сам Карим родом из Казани, а они своих жалуют. А если Марат ещё и шурпу готовить умеет, то вообще.

– А это Надежда Вячеславовна, наш бухгалтер, – продолжает знакомить генеральный. – Очень надёжный и честный специалист. Мы вместе много лет, и за это время никаких нареканий не было.

Надежда Вячеславовна густо краснеет. Я переглядываюсь с Полиной и замечаю в её глазах неподдельный животный восторг.

– Вот это охренеть, – беззвучно шевелит она губами, мечая взгляд в Карима.

В ответ я так же беззвучно фыркаю и тут же вытягиваюсь струной, потому что слышу своё имя.

– А это Василина, управляющая. С нами работает всего два месяца, но успела зарекомендовать себя как ответственный сотрудник. Дисциплина и чистота с ней вышли на новый уровень.

Занервничав от устремлённых на меня взглядов, я начинаю теревить бейджик и, как выясняется, совершенно зря. Потому что в следующую секунду он шмякается на стол и взгляд Карима плавно оседает на кляксе имени первого Президента СССР.

Вот же ж... Ну за что, а-а-а?

Его тёмная бровь скептически ползёт вверх, а в глазах проступает раздражение. Мне сквозь землю хочется провалиться. И вот снова. Карим весь из себя такой правильный и совершенный, а я... нелепая и неуклюжая. Однажды я испачкала его мороженым, так он даже до дома терпеть не смог – потащил в бутик за новой рубашкой.

Из кабинета Воронина я вылетаю первая. И дело вовсе не в Кариме. У меня народу полный зал, а ещё идиот на «Порше» и его дефектные вкусовые рецепторы наверняка довели официантов до трясушки.

– Слушай, а идея с продажей «Родена» больше не представляется мне такой уж плохой, – догоняет меня звенящий восторгом голос Полины. – Если наш новый владелец выглядит так. Я как увидела, чуть под стол не сползла, ей-богу. Ты куда так несёшься, Вась? Ты его разглядела?

– Его я разглядела даже в самых непредсказуемых ракурсах, – буркаю я, продолжая прокладывать путь в зал. – Мы встречались.

– Ты серьёзно, что ли? – Полина так резко сдавликает мой локоть, что каблук со скрежетом зарываются в пол, и мне приходится остановиться.

– Да, серьёзно. Два года назад.

– А почему... ну, того? Расстались в смысле.

– Потому что я Макеева Василина Александровна, а он Исхаков Карим Талгатович! – неожиданно для себя рявкаю я. – Я взбалмошная русская без царя в голове, а он весь из себя правильный татарин из уважаемой семьи. Ну и много чего ещё.

3

– Мне очень жаль, что стейк оказался вам не таким, как прошлый раз. Если у вас есть время, то мы с радостью приготовим другой. Вы наш постоянный клиент, и мы очень дорожим тем, что вы выбираете именно наше заведение.

Сиропом, льющимся из моего рта, можно засахарить трёхлитровую банку варенья. Была бы моя воля, я бы этого вечно недовольного мужика никогда больше не пустила на порог «Родена». Ему всё не нравится: то люди за соседним столом слишком громко разговаривают, и нужно заставить их замолчать, то блюдо принесли недостаточно быстро. Или вот как сейчас – мясо переперчённое. Назревает закономерный вопрос: для чего он к нам каждый день таскается как работу? В столице есть куча других заведений.

– У меня нет времени, – бурчит «Порше», в доказательство начиная нетерпеливо барабанить по столу наманикюренными пальцами.

На прошлой неделе он так выклянчил себе бесплатный ужин. Неужели и сейчас рассчитывает, что очередная халява отвалится? Думает, что тут собрались блаженные идиоты?

– Тогда попрошу официанта унести тарелку. – Я улыбаюсь так широко, как позволяет мне мой немаленький, к слову, рот. – Стейк мы, конечно, уберём из счёта. Очень жаль, что у вас нет времени дождаться нового.

Судя по недовольному взгляду, «Порше» рассчитывал на более длительные пресмыкательства и такая скорая развязка его разочаровала. Он поджимает губы, сводит к переносице брови, на что я моментально включаю дуру. В этом мне нет равных, что порой наводит на определённые мысли.

– Хорошего вам дня, и от лица нашего заведения ещё раз приношу свои извинения. Спасибо за терпение и лояльность.

Ухожу я походкой, преисполненной достоинства и, только когда дверь на кухню захлопывается, выпускаю из лёгких длинный выдох. Мне тяжело даются компромиссы, как и слепое следование золотому правилу ресторанного бизнеса «Клиент всегда прав». Как это прав, когда он не прав?

– Лен, забери у седьмого стола стейк.

На испуганный взгляд официантки поясняю:

– Менять ничего не нужно. Просто вычеркни его из счёта.

Официантка уходит, а я, немного отдышавшись, перемещаюсь в туалетную комнату, чтобы наконец застирать это чёртово кофейное пятно. Почему облиться нужно было именно сегодня, когда сюда приехал Карим? Хотя, если уж быть честной, мне положено иметь запасную рубашку, но запасная лежит дома с почти идентичной кляксой от томатной пасты. Ну не успела я её постирать. Вернее, забыла.

От сушки феном начинают гореть руки, поэтому я решаю, что быстрее рубашка высохнет на мне. Тщательно разгладив её, выхожу за дверь и тут же нос к носу сталкиваюсь с Каримом.

– Здравствуй, Вася, – невозмутимо здоровается он, будто совсем недавно мы не виделись в кабинете Воронина и как будто не расставались на два с лишним года. – Я тебя искал.

И до того как я успеваю сформулировать вразумительную мысль, его ладонь преспокойно обхватывает мой локоть и тянет в боковой «карман» рядом с подсобкой.

Я злюсь. В этом весь Карим. Настолько самоуверен, что может запросто таскать меня за собой, как куклу, будто имеет на это право. Вот эти его покровительственные жесты... Словно то, что мы когда-то спали, до конца дней наделило его правом до меня дотрагиваться.

Именно в тот момент, когда я готова начать праведно возмущаться, он отпускает меня сам.

– Для чего вы меня искали, Карим Талгатович? – уточняю с приторной вежливостью, чтобы наверняка его взбесить, и, отступив, тру руку о поясницу, чтобы стряхнуть покалывания от прикосновения.

– Не паясничай, Вася.

Моё сокращённое имя, произнесённое его голосом, – от природы низким и с едва заметным акцентом – заставляет кровь мгновенно прилить к лицу. На это он тоже не имеет права, как и на то, чтобы трогать мой локоть.

– Василина, – чеканю я, для убедительности тыча пальцем в бейджик.

Взгляд Карима быстро мажет мою рубашку в том месте, где я указала, и перемещается влево, на застиранное пятно. Я мысленно скриплю зубами. Ох уж эта моя тяга к спецэффектам. Лучше бы обошлась без демонстрации.

– Я не знал, что тебя здесь увижу. Получилось неожиданно.

– Это действительно странно с учётом того, что ты решил купить этот ресторан, а я работаю здесь лишь с одним выходным в неделю. Не похоже, что ты фанат местной кухни.

Его глаза неспешно блуждают по моему лицу, будто мы заново знакомимся.

– Раньше я часто здесь бывал, но ты, видимо, не работала.

– Видимо, – язвительно поддакиваю я.

Мне неуютно стоять с ним наедине в квадрате метр на метр. Если уж на то пошло, я вообще не планировала больше с ним разговаривать, а тем более нюхать его новую туалетную воду.

– Я искал тебя, чтобы поздороваться. И заодно сказать, что наше прошлое никак не должно влиять на дела. Через три дня состоится общее собрание с персоналом по поводу дальнейшей работы. К этому времени ты должна определиться, сможешь работать со мной или нет.

– А если скажу, что не смогу, ты ведь никуда не исчезнешь, да? – ласково переспрашиваю я.

Карим выразительно вздыхает и, усмехнувшись, качает головой.

– Хватит кусаться, Вася. Документы о продаже подписаны, и со вчерашнего дня ты работаешь на меня. У тебя три дня, чтобы подумать, сможешь ты блюсти субординацию или нет.

– Я подумаю. Это всё?

Карим смотрит на меня молча. Его взгляд быстро пробегается по моим укоротившимся за последние два года волосам, касается плеч и возвращается к глазам.

– Дела у тебя как, скажи?

Где-то в солнечном сплетении противно сжимается от того, каким тоном он это произнёс. Потеплевшим и небезразличным. Как будто... В общем, бесит.

– У меня всё прекрасно! – беззаботно восклицаю я. – Всё просто супер.

– Рад за тебя. Мила, слышал, замуж вышла.

– Откуда ты это слышал?

– Эльсина сказала. Они случайно на улице встретились.

Упоминание об Эльсине откликается во мне щемящей тоской. Она младшая сестра Карима, и раньше мы с ней дружили.

– Как у неё дела? – тихо спрашиваю я, опуская глаза. – У Эльсины.

– Что ей сделается? Про то, что она салон оптики открыла, наверное, знаешь.

– Нет, не знаю. Здорово. А Радик как?

– У него тоже всё хорошо.

В этот момент воздух, начинающий густеть от воспоминаний, разрезает мелодия его телефона. Она такая же, как и два года назад, – скучная и стандартная. Сколько раз я ни пыталась поменять, Карим ставил её обратно.

Посмотрев на экран, он возвращает взгляд ко мне и мягко сжимает плечо.

– Рад был увидеться, Вася. Мне пора ехать. До встречи на собрании.

Приложив телефон к уху, он идёт к выходу, а я, застыв, провожаю взглядом его спину. А может, к чёрту этот «Роден»? Ресторанов в столице много, можно попытаться счастья где угодно. В увольнении есть куча плюсов. На новом месте не будет придурка «Порше» и необходимости встречаться с Каримом.

4

После работы Полина как бы невзначай предлагает заглянуть в винотеку по соседству и угостить меня бокалом хорошего шардоне. Маркетолог от бога, что с неё взять. Ей, конечно, не терпится вытрясти подробности моих отношений с новым владельцем. Я соглашаюсь по двум причинам. Во-первых, потому что дома меня ждут грязные полы и куча стирки, которую жутко хочется отсрочить, а во-вторых, я и сама, кажется, хочу выговориться.

Остаток смены прошёл как в тумане, потому что я изо всех сил пыталась ужиться с мыслью о работе с Каримом и наших будущих встречах. Что он сможет запросто вызвать меня в экс-кабинет Воронина и распекать как шкодливую малолетку. Тяжело работать на бывшего, особенно если этот бывший педантичен, как Карим. Иными словами, дерьмо, а не перспектива.

– Нам два бокала белого сухого и оливки, – говорит Полина, после того как мы занимаем наш привычный столик у окна. И не дожидаясь, пока исчезнет официант, требовательно командует: – Ну, рассказывай.

– О чём рассказывать? – невинно переспрашиваю я, имитируя своё любимое состояние. – А-а-а, про придурка на «Порше»? Вычла стейк из счёта, и он уехал.

Да, я хотела выговориться, но не так же запросто. Мне нужно, чтобы Полина меня немного поуготоварила.

– Вася, блин! – нетерпеливо рыкает она. – Не томи. Рассказывай, как ты познакомилась с нашим новым знойным шефом, как долго вы встречались и большой ли у него?

Вот что у Поли за привычка – задавать настолько бестактные вопросы? У меня имеется дурацкое свойство визуализировать слова собеседника, и сейчас перед глазами как по команде маячит 3d-картинка прибора Карима.

– Я училась с его сестрёнкой в школе и в универе, часто бывала у них дома, – отвечаю я, решив удержать анатомические подробности о новом владельце «Родена» при себе. – А ещё на первом курсе успела месяц повстречаться с его младшим братом.

– Ого! Да ты роковуха, Васёк. Обоих братьев захомутала.

– Ага, – кисло соглашаюсь я. – Но лучше бы тех четырёх недель невинных обнимашек и автомобильных покатушек не было, потому что в глазах родителей Карима отношения с обоими братьями – это конкретный харам.

– Харам? – Полина вопросительно поднимает брови, забирая у официантки бокал вина.

– Ну зашквар, косяк, – поясняю я.

– Но ты же не спала с ним. Какая разница?

– Это для тебя нет разницы. А для них есть.

– Ладно, а дальше? Как вы состыковались-то? И кстати, лет ему сколько? Выглядит максимум на тридцатку.

Я закатываю глаза к потолку, делая вид, что вспоминаю. На деле я прекрасно помню и сколько Кариму лет, и когда у него день рождения. Тридцатого марта. Говорю же, козлина.

– Двадцать девять в этом году исполнилось, – наконец изрекаю я, выдержав приличествующую паузу. – Состыковались мы... случайно.

Не хочу вспоминать, но над своей памятью я не властна. Цветные квадратики кадров уже мелькают перед глазами, отматывая время на два года назад. Я, одетая в обтягивающее мини, жду возле клуба Эльсину, которая, как всегда, опаздывает из-за свидания с очередным ухажёром. Компания парней по соседству начинает настойчиво зазывать меня к себе, и тогда меня окликает Карим, проезжавший мимо. Говорит сесть к нему в машину и ругает за то, что я так поздно стою здесь одна. Как сейчас помню, сколько восторга и щенячьего трепета испытала, когда увидела за опущенным стеклом его лицо.

– Как-то ему пришлось довезти меня до дома, и на прощание я немного промахнулась с дружеским поцелуем.

Теперь и эта картина так живо встаёт перед глазами, что я невольно начинаю улыбаться. Я тогда и правда промахнулась: хотела чмокнуть Карима в щёку, но он дёрнулся, и поцелуй пришёлся в губы.

– Через день он позвонил и пригласил на свидание. Ну и понеслась.

– Романтично так, – хмыкает Полина, кажется не слишком впечатлённая такой историей. – А почему расстались?

Я опускаю глаза на причудливый деревянный узор стола и начинаю нервно вращать ножку бокала. Становится неудобно.

– Я же говорила... Причин много, но основная: потому что я не из их круга. Русская в смысле. Дружить – дружите, пожалуйста, но связывать жизнь они предпочитают со своими. Родители Кариму ещё до того, как мы стали встречаться, невесту выбрали. Дочь судьи, с которым Талгат Юсупович в одной деревне рос. Айгю-ю-юль, – не удерживаюсь я от того, чтобы не исковеркать её имя. – Так она меня бесила, ты бы знала. Вся такая из себя воспитанная леди на икс пятом, но при этом по всяким пустякам Кариму названивала.

– И он теперь с ней встречается?

Фыркнув, я отпиваю вино.

– Откуда я знаю? Скорее всего. А! Вот тебе ещё. Его даваника – это бабушка на татарском – взяла с Карима слово перед смертью, что он непременно женится на татарке. Это мне Эльсина по секрету рассказала.

– Ну капец! – возмущённо резюмирует Полина. – Прямо разочарование. Взрослый вроде мужик, а идёт у старухи на поводу. Вот и отлично, что вы расстались! Пусть на своей женится, а мы тебе кого-нибудь получше найдём.

Вообще, большую часть времени я и сама себя в этом убеждаю: что Кариму нужно идти лесом со своими татарскими обычаями и что наше расставание – это благо свыше, и я обязательно найду себе парня в триста пятьдесят один раз лучше него. Но почему-то, когда Полина произнесла это вслух, становится неприятно. Дурацкая у меня привычка вечно его защищать. Моя мама была против наших отношений. Говорила, что тиран Карим наденет на меня паранджу и заставит сидеть дома. Я с ней сильно ругалась, запрещая лезть в наши отношения. Любила его сильно. Сейчас уже не люблю, но защищать, как ни странно, по-прежнему хочется.

– Ладно, не кисни, Вась, – снова подаёт голос Поля. – Ты у нас вон какая красотка. В «Роден» каждый день столько мужчин ничёшных заглядывает – красивых и обеспеченных. Мы тебе враз кавалера найдём. Кстати, как там тот, который тебя на свидание звал, поживает? Как его... Боря, Коля...

– Алексей. Нормально. Договорились увидеться на следующей неделе.

– Вот! – бодро поддакивает Полина. – У него же приличная какая-то машина была, да? Пусть тебя в понедельник после собрания встретит, чтобы Карим твой локти от ревности покусал.

Я вздыхаю. Карим и кусать локти? Ага, как же. Два года прошло. Может, всё-таки уволиться?

5

– Валя, в левой туалетной кабинке бумага закончилась. И ещё диспенсеры под мыло проверь на всякий случай. Почему у тебя форма мятая? Сейчас же замени. Лен, а ты волосы в порядок приведи. С распущенными у нас на смене не ходят.

Уборщица с официанткой сбегают от меня, как перепуганные карасики от щуки, страдающей ПМС, и тогда я украдкой смотрюсь в зеркало. Трогаю чуть заметную складку на рубашке, которую пыталась отутюжить всё утро, втягиваю губы в рот, тщательнее распределяя помаду. Через полчаса Карим проводит своё первое собрание в качестве нового владельца.

Два дня я взвешивала все за и против работы на него и наконец приняла решение попробовать. Всё-таки нанимал меня не Карим, а Глеб Андреевич, и именно он доверил мне управление и развитие «Родена». Некрасиво будет сбегать из-за того, что моя личная жизнь когда-то дала трещину. Я профессионал, так-то.

– Приехал! – заговорщицки шипит Полина, выныривая из зала. – Ты как, готова?

Оценивая пробежавшись по мне взглядом, она хмыкает:

– Могла бы глаза поярче накрасить и каблук повыше надеть. – И смиловившись, добавляет: – Выглядишь отлично.

Я по привычке фыркаю, мол, больно надо, хотя писклявый голосок внутри жалобно ноет: «Ну правда, а что тебе стоило надеть другие туфли?» Десятисантиметровых шпилек в моём гардеробе полно, к слову. Остались со времён студенческих тусовок.

Сквозь начищенное оконное стекло я вижу, как дверь чёрного седана распаивается и оттуда выходит Карим. Меня миг посещает забытое ощущение – будто заиграла любимая мелодия и чьи-то умелые руки стали ласково разминать мне плечи, заставляя впасть в восторженный транс. Ровно то же самое я испытывала раньше при каждой нашей встрече: застывала с идиотской улыбкой в ожидании, когда Карим подойдёт ко мне и, улыбнувшись до выразительных лучиков на висках, проговорит тепло и тягуче: «Здравствуй, моя Вася».

Ну вот что я за дура такая, а-а? Бесит.

– Так, руководство здесь, – громко объявляю я, оглядывая персонал, рассеявшийся за столами. Штат в двадцать восемь человек не получилось бы разместить в кабинете, поэтому собрание решено было провести в зале для посетителей перед началом смены.

– Нового владельца зовут Исхаков Карим Талгатович, если кто-то забыл.

На этих словах входная дверь распаивается и на пороге появляется Карим.

«Здрасьте», – нестройным эхом шелестит по стенам. Сама же я, поймав его взгляд, с достоинством киваю в знак приветствия. Вот как ему это удаётся, а? Ни малейшего залома на рубашке. Я за всё утро ни разу не присела, а уже насчитала на юбке три помятости.

– Доброе утро! – здоровается он, проходя мимо столов к центру зала.

– Хэерле иртэ! – услужливо вылетает у шеф-повара.

Все как по команде поворачивают голову на незнакомую фразу, в то время как я закрываю глаза. Ох уж Марат. Жополиз и предатель.

Карим выкладывает телефон на стол и разворачивается. Собрание должно было начаться в девять, а на часах восемь пятьдесят восемь. Ох, чую, несладко нам всем придётся.

– Многие из вас уже знают, как меня зовут, но я на всякий случай представлюсь. Исхаков Карим Талгатович, новый владелец сети. Спасибо, что пришли пораньше. Сразу скажу, что сегодняшнее мероприятие носит ознакомительный характер. Никого увольнять или отчитывать я не планирую.

По залу прокатывается едва различимый вздох облегчения, поскрипывают стулья. Официанты ко мне, как к любимому психотерапевту, все три дня ходили с одним вопросом: «А нас точно не уволят?». Где-то они раскопали информацию, что новый владелец – мажор и самодур,

и стоит ему не угодить, как всё – прощай, работа. Я пыталась их успокаивать, но ничего не вышло: паника, напротив, росла как на дрожжах. Уже и про лишение чаевых пошла речь, и про круглосуточный график работы. Пришлось как следует рявкнуть и пригрозить, что я сама их уволю, если не замолчат. Парадокс: стенания моментально прекратились.

– Моя семья владеет гостевым комплексом, на территории которого есть несколько ресторанов, – продолжает Карим. – Поэтому об этом бизнесе я кое-что знаю. Менять ход вашей работы пока не планирую. Скорее всего, будут внесены корректировки в меню, но это мы уже обсудим с Василиной и Маратом.

Я при звуке своего имени вздрагиваю, а Марат согласно кивает, мол, давно пора. Говорю же, предатель.

Официанты по очереди представляются. Текучки у нас нет – коллектив дружный, окладная часть и чаевые более чем приличные. Поэтому они так и заверещали: уходить из «Родена» никому не хочется.

Изредка Карим задаёт им вопросы, например, давно ли они здесь работают и где трудились до этого. Девчонки через одну начинают краснеть и, когда отвечают, меняют голоса на приторно-сладкие. Я разглядываю пол и агрессивно тру новый залом на юбке. Есть мышечная память, а у меня память нервная. Вот это из-за последней мне сейчас так не по себе. Карима я всегда ревновала. Жутко. В его компании была куча красивых девушек, сестёр его друзей и их разодетых подружек. Многие из них, разумеется, заглядывались на него, и это... Да, это меня жутко бесило. «Чего ты смеёшься?! – возмущалась я, молотя кулаками по его груди. – Она к тебе клеится! А если я к Искандеру на колени залезу?! Понравится тебе?»

«Тогда сразу получишь по жопе», – серьёзно обещал Карим, и это почему-то сводило моё возмущение на нет. Одно время мне нравилось, когда он ревновал.

– Василина!

Я скидываю глаза. Все смотрят на меня, включая Карима.

– Нам с тобой надо будет в кабинете посидеть. Но сначала организуешь мне небольшую экскурсию.

Роза и Юлия, наши самые хорошенькие официантки, смотрят на меня с нескрываемой завистью. Где справедливость? Ещё вчера они ныли, что самодур Исхаков вышвырнет их на улицу, если встанет не с той ноги, а сейчас готовы добровольно сдать ему в рабство.

– Конечно, Карим Талгатович, – кротко говорю я и, не сдержавшись, язвлю: – Вы же здесь босс.

«Ты договоришься, Вася», – красноречиво транслирует его моментально тяжелеющий взгляд, после чего Карим вновь отворачивается к остальным:

– Персонал кухни может начинать готовиться к смене. С остальными я переговорю чуть позже.

Под раздавшийся грохот отодвигаемых стульев он выпрямляется и кивает мне, мол, вставай и пошли.

Я поджимаю губы. Когда распоряжения отдавал Воронин, я не имела ничего против, но сейчас хочется по-детски сгримасничать или хотя бы спрятать за спиной средний палец. Чего я, кстати, обещала себе не делать, раз уж приняла решение остаться в «Родене». Просто всё внутри меня восстаёт против того, чтобы слушаться приказов человека, который так сильно меня ранил.

– С чего хотите начать? – сухо уточняю я, подходя к Кариму. – Предлагаю с запасного входа, чтобы вы имели представление, как начинается рабочий день.

Несколько секунд Карим смотрит мимо и после того, как шум голосов стихает, возвращается к моим глазам. Его голос звучит резко, обвинительно.

– Я давал тебе время, чтобы утрясти свои личные разногласия, Вася. Если ты не уволилась, расцениваю это как согласие на работу. Имей в виду: если я ещё раз услышу, как ты пытаешься подначивать меня перед сотрудниками – тебя здесь не будет.

Меня с головы до пят заливают краской. Даже стопы горят от унижения. Знаю, что язвить было непрофессионально, но... Всё равно... Я хорошо делаю свою работу. И дисциплина у сотрудников при мне значительно выросла... Зачем он так?

Ответ напрашивается сам собой: потому что мы давно стали чужими.

– Эти рестораны – дорогое приобретение, – продолжает он. – И твоим детским выходкам здесь не место. Ещё раз спрошу: ты готова работать без истерик?

В висках молотит: бух-бух-бух. Можно отказаться. Вот прямо сейчас, как я люблю, со спецэффектами. Помахать у него перед носом средним пальцем и послать прямиком в его любимый Мингер (село в Татарстане. – Прим. автора). Очень хочется. Уже через час я об этом, конечно же, пожалею, но одна сладкая минута принесёт мне массу удовлетворения.

Я набираю в лёгкие побольше воздуха. Если я это сделаю, то ничем не буду отличаться от взбалмошной Василины двухгодичной давности. А мама с папой так гордятся тем, что сразу после окончания университета я получила должность управляющей. Обидно будет так по-идиотски всё просрать.

– Да, – со скрипом выдавливаю я. – Больше такого не повторится.

– Хорошо, – чуть мягче произносит Карим, и на его лице появляется знакомое выражение, которое мне не слишком хочется интерпретировать. Так он смотрел на меня, когда после очередного скандала я приходила к нему мириться. – Теперь показывай, где запасной вход.

6

– Холодный и горячий цеха у нас объединены, – монотонно рассказываю я, остановившись посреди кухни. – Там, – взмахом руки указываю налево, – кондитерский. А вот тот закуток – комната приёма пищи.

– Закуток? – насмешливо переспрашивает Карим, приподнимая брови.

– Комната, – натянуто поправляюсь я. – Помещение для персонала. Справа моечная и кладовая.

Не спеша оглядев стены и периметр кухни, он останавливается на деревянном ящике, стоящем рядом со столом выдачи.

– А он что здесь делает?

Хороший вопрос. Вообще, на данный момент у этого ящика два назначения: хранить в себе бакинские томаты и прятать под собой расколовшуюся плитку, на которую позавчера грохнулась тяжеленная кастрюля с водой.

На мой взгляд, ничего страшного в этом нет, – это же не в зале, а на кухне случилось, – но зная дотошность Карима, захотелось подстраховаться.

– Это овощи привезли, – невозмутимо вру я. – Позже уберём на склад.

– Надо сейчас убрать. Что им делать в зоне выдачи?

Вот так. От одной его фразы вся конспирация идёт лесом. Скрипнув зубами, я подзываю су-шефа и прошу перенести ящик на склад. Толик смотрит на меня с пониманием, – мол, эх, не вышло – и через пару секунд потрескавшаяся плитка с проплешинами цемента является наружу, портя собой порядок, который мы так тщательно наводили.

Вот удивительно. Сколько людей я повстречала на своём двадцатичетырёхлетнем веку, но только в компании Карима мне удаётся чувствовать себя настолько по-идиотски. Ну что такого? Всего-то плитка откололась. Ерунда, мизер. Но сейчас, когда он смотрит прямо на неё, снова хочется провалиться сквозь землю.

– Очень находчиво, Вася, – замечает Карим спустя паузу. – Плитку нужно будет заменить. До завтра накидай список всего, что требует починки. Никакой сломанной техники, побитой плитки и заляпанных стен быть не должно.

– У нас всё работает, – сухо говорю я, делая себе пометку разгромить сервис по обслуживанию посудомоек, которые уже третий день не могут прислать ко мне мастера для починки одной из машин.

– На всякий случай проверь ещё раз. Лишним не будет. Кстати, что по форме? Я так понимаю, нужно будет дополнительно заказать.

– Для чего? – искренне недоумеваю я. – У каждого сотрудника есть по два комплекта.

– И у тебя? – Глаза Карима спускаются мне на грудь, в то самое место, где три дня назад красовалось кофейное пятно.

Ну какой же он зануда! И всего-то стоило один раз попасться ему на глаза в грязной рубашке.

– У меня тоже есть два комплекта. Показать? – едва сдерживаясь от обиды, уточняю я.

Пусть смотрит, если хочет. Застаревшее томатное пятно было не так-то просто отстирать, но я и хлорный отбеливатель справились.

– Не нужно. Я тебе верю, – чуть заметно усмехается Карим. – Лучше покажи склад.

Пока он оглядывает кладовую и холодильники, мне снова приходится сражаться с собой. Коробит, что Карим так тщательно всё проверяет. Будто хочет сказать: «Нет тебе доверия, Вася». И конечно, он имеет на это право: «Роден» действительно дорогое приобретение, и ещё неизвестно, как бы я себя вела, если бы в один прекрасный день смогла позволить себе такую покупку... Наверное, раздувалась бы от гордости и каждые десять минут дёргала официантов

с просьбой принести кофе мне в кабинет... Но всё равно. Может, пора к психологу сходить? Карима я давно вычеркнула из жизни, а чувствую себя так, будто он должен относиться ко мне по-особенному.

– С экскурсией на этом можно закончить, – произносит он, налюбовавшись санузлом в раздевалке. – Замечания запомнила?

Разумеется, я их запомнила. Каждое высечено на нервах клеймом раздражения. Заменить бутылку с мылом на подвесной диспенсер, потому что так гигиеничнее, поменять занавеску в душевой, вычистить вытяжку. Ещё Кариму не понравилась форма уборщиц, и мне нужно будет подыскать что-то новое.

– Запомнила, – буркаю я и вздрагиваю, потому что он снова берёт меня под локоть.

– Тогда пойдём в кабинет.

7

Когда дверь в бывший кабинет Воронина закрывается, отрезая от нас снующих туда-сюда третьих лиц, меня накрывает очередной приступ нервозности. Здесь тихо, как в гробу, а в воздухе ощущается что-то, чего ощущаться не должно. Личное, вот. Хотя личного между нами уже давно быть не может после всех слов, что Карим мне когда-то наговорил.

Своё волнение я, конечно, не выдаю. Передёргиваю плечами и с нарочитой отстранённостью говорю:

– На всякий случай сразу предупреждаю, что в понедельник я делаю отчёт по кухне и у меня не так много времени.

Произнесённое доставляет мне огромное удовольствие. Пусть Карим не думает, что у меня других дел нет, кроме как обсуждать душевные занавески и запах в холодильниках.

– Садись, Вася, – будто не услышав, распоряжается он, занимая бывшее кресло Глеба Андреевича. – Отчёты подождут.

– Вообще-то, отчёты – это одна из моих функций...

– Ты их кому потом сдаёшь? – невежливо перебивает он, приколачивая меня взглядом к полу.

Я машинально обхватываю себя руками и хмурюсь.

– Руководству и бухгалтерии.

– Теперь я твоё руководство, и я тебе говорю, что отчёт подождёт. Садись.

В третий раз за это утро я думаю, какой была душой, что решила попробовать работать с ним. Не иначе тот тупой испанский сериал про озабоченных подростков свернул мне мозги набекрень. Права была мама. Карим деспот, который будет рад любой возможности скрутить человеческую свободу в бараний рог.

С каменным лицом я сажусь в кресло и, выпрямившись под углом девяносто градусов, смотрю перед собой. Вот ему надо поговорить – пусть говорит. Но заглядывать ему в рот я не буду.

– Хочу обсудить меню и террасу, – с ходу выдаёт Карим.

– У нас нет террасы, – парирую я.

– Будет.

От удивления я перестаю разглядывать рамку сертификата и впииваюсь в его лицо, ища признаки того, что Карим шутит. Полина, которая работает в «Родене» без малого три года, рассказывала, что Воронин за возможность установки уличной террасы кого только ни пытался подкупить, но всё было без толку. А Кариму что, так просто удалось?

– Хочешь сказать, что получил разрешение? – осторожно уточняю я.

Губы Карима трогает лёгкая улыбка.

– Да. Искандер помог. Он сейчас в администрации города работает.

Искандер – это его лучший друг с детства. Хотя на татарина он вообще не похож: Карим смуглый и темноволосый, а Искин – блондин с зелёными глазами. Мне Карим давно объяснял, что татары бывают разными: есть болгаринского типа, как Искандер, а есть как он – с отголосками монгольской расы. Радик, брат Карима, то ли в шутку, то ли всерьёз называл себя потомком Чингисхана.

– Тогда нам надо поторопиться, потому что лето в самом разгаре. Конец мая – это ведь уже лето. Столько всего нужно успеть... Заказать мебель, приборы, скатерти... Возможно, нанять дополнительный персонал... – от восторга слова брызгают из меня как из детского водяного пистолета.

Терраса – это же просто мечта. Просторная, стильная... Минимум столов на десять, с деревянным настилом и белым навесом, с ротанговыми столами и диванчиками, на которых

набросаны рыжие парусиновые подушки... Почему рыжие, я не знаю – просто именно так мне представляется идеальная летняя веранда. Вечером будем предлагать посетителям пледы с вышитым логотипом «Родена», и конечно, нужно украсить периметр зеленью и цветами...

– Поэтому мы сейчас сидим здесь. – Глаза Карима следят за мной с любопытством. – Съезди на днях в «Камю». Знаешь такой ресторан?

Я не удерживаюсь от того, чтобы не окатить его порцией визуального снисхождения. Ну а кто не знает «Камю»? Его открыл приезжий зажиточный француз и за полтора года сделал одним из самых популярных столичных мест. Я бывала там пару раз с Милой. Чаще не могу себе позволить – ценник кусается как взбесившийся питбуль.

– Видимо, знаешь, – заключает Карим, правильно расценив мой взгляд. – Возьми подружку, чтобы не скучно было, и присмотришь, что и как у них устроено. Ваш ужин я оплачу.

– А парня можно с собой взять? – ехидничаю я.

Просто не удержалась, потому что Карим снова меня взбесил. «Возьми подружку, чтобы не скучно было». Думает, мне в ресторан больше сходить не с кем?

– Можешь пойти и с парнем, но за свой ужин пусть платит сам, – без улыбки отрезает Карим. – Я не богадельня для твоих ухажёров.

– Не ухажёр, а парень, – ласково уточняю я, мысленно потешаясь над тем, куда забрёл наш разговор.

Так-то у меня нет ни того, ни другого. Гостей ресторана, которые периодически зазывают на свидания, я в расчёт не беру. Во-первых, заводить отношения с клиентами непрофессионально, а во-вторых, большинство из них либо седые, либо с кольцом, либо с пузом. Ничего из вышеперечисленного мне не подходит. Очарованием седины я в свои двадцать четыре пока не прониклась, с женатыми по соображениям морали водиться не стану, а отсутствие торчащего живота – это мой личный пунктик. Я одержимый фанат твёрдого пресса. В своё время даже Карима дразнила, что если он разожрётся на своих эчпочмаках, то я его брошу. Хотя ему, конечно, не грозило. Я такие красивые кубики, как у него, только в кино видела.

– Закончила? – Карим мрачно зыркает на меня исподлобья. – Идём дальше. По меню...

Он продолжает шевелить ртом, но мой безукоризненный профессионализм внезапно даёт сбой, и я не слышу ни единого произнесённого им слова. По коже бегают мурашки, а в живот распирает от радостного предвкушения. Я знаю этот взгляд. Видела его тысячи раз, когда в шутку заигрывала с кем-то из его друзей или когда Карим заставлял меня в окружении парней-одногоруппников. Такое вообще возможно? Что он до сих пор меня ревнует?

8

– Мам, а хлеб есть? – Я оглядываю стол в поисках знакомой плетёной корзинки и машинально тру взбунтовавшийся желудок. – А то у тебя оливье такой забористый.

– Ага, – со смехом поддакивает Мила. – Забористо-майонезный. Мне тоже горбушку дай, когда найдёшь. Только маленькую, а то я на диете.

– В хлебнице поищи, Васюш, – отзывается мама и, щёлкнув пультом от телевизора, включает свой любимый канал с детективными сериалами. – Вроде что-то должно быть.

«Что-то» оказывается половинкой ссохшегося батона, красиво подёрнутого пушком плесени. Я обречённо разглядываю его, примеряясь, смогу ли вырезать хотя бы небольшой съедобный кусок, и в конце концов отправляю в мусорное ведро, решив не рисковать пищеварением.

– Испортился, – подытоживаю, возвращаясь за стол.

Нахожу в вазочке отломанное печенье и начинаю жевать в попытке перебить вкус майонеза. Почему-то мама считает, что чем жирнее и калорийнее, тем лучше.

– Надо папе сказать, чтобы купил, – беспечно замечает она и, убавив громкость, поворачивается ко мне. – Рассказывай, Васюш, как дела на работе и какие на личном фронте успехи?

Мы с сестрой переглядываемся. Мила уже в курсе, что Карим купил «Роден» и теперь я вынуждена буду лицезреть его почти каждый день. А вот мама пока пребывает в счастливом неведении.

– Всё нормально. И там и там.

Мила, коза, насмешливо фыркает. Мол, ага, рассказывай нам тут.

– Что, совсем всё плохо? – Мама переводит разочарованный взгляд с меня на неё. – Ты же вроде в таком месте работаешь, где мужчин полно. Неужели тебе никто не нравится? Ни за что не поверю, что они на тебя не заглядываются. Ты у меня вон какая девочка сочная вымахала.

– Маа-ама-а, – измученно тяну я, воздевая глаза к потолку. – Я как-нибудь со своей личной жизнью сама разберусь, ладно?

– Разбирайся конечно. Но я всё равно не понимаю. Двадцать четыре – это тот возраст, когда надо как следует отрываться. Я в твои годы чего только не творила. Утром могла с одним встретиться, в обед с другим, а в кино пойти с третьим. Никто же о свадьбе речи не ведёт. А для здоровья и женской самооценки любовник точно не помешает.

Я со вздохом разгребаю майонезные залежи и насаживаю на вилку зелёный горошек. Если кому-то слышать такие слова от мамы покажется кощунством, то в нашей семье это нормально. Мама с лёгкостью может рассуждать при нас с сестрой о своих предпочтениях в сексе, а на школьный выпускной, например, засунула мне в сумку презерватив со словами «Может случиться всякое». Я тогда долго недоумевала: что значит «всякое»? У меня ведь даже парня не было.

Мои школьные и университетские подружки от маминой прямоты и лёгкости попросту пищали, говоря, что мечтают о таких родителях. Когда я училась в восьмом классе, мама с отцом на неделю уехали к друзьям в Калининград и оставили квартиру полностью в нашем распоряжении. Никто из моих одноклассников в четырнадцать подобным похвастаться не мог. Ещё мама не слишком любит готовить, и часто вместо завтрака мы с сестрой получали карманные деньги с напутствием «Купите себе что-нибудь в столовой». Мы, конечно, были рады. Ну кому хочется давиться овсянкой, когда можно закинуться пиццей и колой? Но иногда, когда я приходила в гости к Юле, моей лучшей подруге, и тётя Вика угощала румяными домашними котлетами и нежным картофельным пюре с обязательной проталиной сливочного масла, меня посещало сожаление, что дома у нас всё не так. У мамы всегда находились вещи поинтереснее, нежели уборка и готовка: почитать новинки из мира детектива, поразгадывать кроссворды, сходить на уроки сальсы или съездить в лес с палатками и гитарами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.